

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

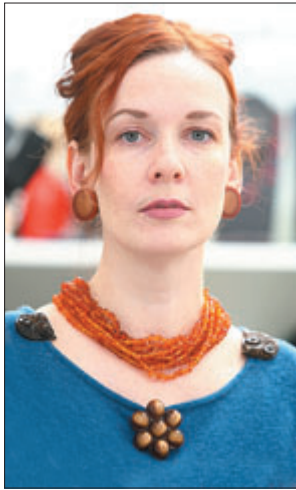
РОМАН ГАЗЕТА

2022 №5

Екатерина Блынская / Портрет инфанты Маргариты

95
1927-2022

БЛЫНСКАЯ Екатерина Николаевна

Родилась в Москве. Поэт, прозаик, критик, драматург, переводчик с шорского языка. Окончила Литературный институт им. Горького, семинар С. С. Арутюнова (поэзия). Автор нескольких поэтических и прозаических книг, член Союза Писателей России.

Публиковалась в журналах и газетах («Нева», «Сибирские Огни», «Наш Современник», «Дети Ра», «День Литературы», «День и Ночь», «Кольцо-А», «Иностранские записки», «Радуга» (Киев), «Зинзивер», «Литературная газета», «Литературные известия», «Независимая газета» и др.)

Дипломант Международного Литературного Форума «Золотой Витязь» за книгу поэзии «Всё забудь» (2018), и роман «Время ласточек» (2021). Дипломант премии Исаака Бабея (Одесса) за сборник рассказов о Сибири «Ниже мёртвых». Лауреат премии «Писатель XXI века» за книгу прозы «Повести и рассказы» (2019). Лауреат конкурса «Одиннадцать лучших пьес о Великой Отечественной Войне» за 2021 год.

Живёт в Москве.

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

В конце минувшего года «Роман-газета» опубликовала повесть Александра Попова «Храм на Богоне» (№ 23, 2021). Повесть была замечена. Автор «Храма на Богоне» стал лауреатом национальной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина за 2021 год. Редакция «Роман-газеты» сердечно поздравляет своего давнего автора прозаика Александра Попова с высокой наградой.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №5 /1898/ Основана в 1927 г.

Екатерина Блынская

Портрет инфанты Маргариты

ЗМИЙ ОГНЕЯРЫЙ

Повесть

1

— Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды, — сказал человек, перехватил покрепче ручку косы-литовки, глянул удовлетворенно на ее загнутый, поблескивающий в темноте зуб и вступил в мак.

В эту ночь мак благоухал, словно чувствовал свою погибель и не мог надышаться, напоследок вобрав в свои кожистые листочки, спеленатые бутоны и молочайные стебли вяжущий дух июньского разнотравья. Еще немного — и вповалку ляжет.

— Эх... Жалко тебя уничтожать! Но тогда — что? Тогда наделаешь дел, цветяга сонный... — вздохнул человек.

Терпко и горько, дрожа росой на жирных листьях с млечным налетом, облепленный мириадами луговых улиток, мак содрогнулся, качнул закрытыми бутонами, в глубине которых зрели горькие семена. Поле дрогнуло, заволновалось: а не вырваться ли маку, не взлететь ли ему ввысь? Но нет. Тот, что других заставляет летать и отчебучивать всякое, сам растение мирное. Не он травит-убивает. Опять же люди виноваты.

Через полтора месяца уже будут здесь потрескивать на ветру головки, полные зернышек. Облетят эти белые, розовато-кварцевые цветы, в общем поле которых вспыхивают то там, то тут темно-красные пиропы, будто кровью брызнули живой.

Нет, человек этот не посмеет тронуть красоту при свете дня. Не выдержит, остановится.

Привыкнув к холоду росы, босоногий, он смотрит на бледное поле. Да что там поле... Махнуть — и нет его. Ну гектар, чуть больше...

До рассвета успеет.

— Нет правды на земле. Но нет ее и выше? — спросил человек то ли у земли, то ли у молчаливых небес, dokonчив первую полосу и утирая лицо рубашкой.

На востоке, далеко-далеко, бледнели разомкнутые еще невидимым солнцем облака. Это свет пробивался через слои горних полей, чтобы осветить дела людские.

Мак, шелестя, тяжело валился, бледнея и источая густое, почти животное дыхание, словно он не трава, а многоногий мокрый зверь, сам пришедший принять казнь от человека.

2

Летняя духота тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года хорошо запомнилась горением торфяных месторождений. Весь город был в дыму. Гарь проникала в окна и заставляла даже на улицу выходить пригнувшись. Там уже накрывало пластом душного угара и не дышалось без кашля.

Тем не менее, люди вынуждены были вести обычный образ жизни. Ходить на работу на обогатительный комбинат, толкаться в овощном магазине в очереди за картошкой, которая через демонически гулкую трубу сыпалась в деревянный куб. Люди успевали жениться, расходиться, учиться на курсах профориентации, выписываться из роддома и попадать туда.

У двухэтажного роддома остановилась новенькая оранжевая машина «Жигули». Из-за намусленного битыми пчёлами лобового стекла тоскливо поглядывал молодой, но очень тучный человек с влажными от пота, спутанными на лбу волосами. Он совсем недавно защитил диплом в Горном университете и теперь ещё не верил в то, что его ждут на новой прекрасной работе в далёком северном городе.

Из распахнутых дверей роддома вышли трое. Пожилая женщина с квадратным лицом, медсестра в высоком белом колпаке, похожем на поварской, и красноглазая молодая мать, в руках которой крепко стояло свёрнутое умелыми руками синее одеяло с начинкой, перетянутое полупрозрачными синими лентами, безошибочно указывающее пол младенца.

— Ну, и где твой-то? — спросила медсестра, кажется, ожидая другой встречи.

— Да вон его машина! — сказала пожилая женщина, шурясь от солнца. — Вон она! А где ж Серёня? Серёня! Э! Где ты, шалопутнай!

Из машины вышел тот самый тучный молодой человек, с недовольным и блестящим лицом, как-то пригибаясь, словно ему было стыдно за содеянное. Руки он сунул в карманы по-студенчески коротких, но не дешёвых тёмно-коричневых вельветовых брюк. Это и был Серёня. Он подошёл к ступеням роддомовского крылечка и поставил правую ногу на нижнюю ступеньку.

— Поехали, — сказал он хриплым баритоном. — Только быстро.

Молодая мать с ребёнком оторвались от разочарованной медсестры, за ними поспешила бабка.

— Даже цветы не подарил! Жмотяра! — выругалась медсестра. — Есть же козлы, а? Эх, девки! Кому вы рожаєте!

Молодая мать и пожилая женщина сели на заднее сиденье и замолкли. Слышалось только кряхтение новорождённого, пытающегося вытащить голову из синтетического кружев атласного «уголка».

Тучный Серёня рулил и пыхтел, подкидывая машину по неровной дороге.

— Не шибко ты! Не навоз везёшь! Тут сын у тебя! — бормотала пожилая женщина, вцепившись в подголовник.

— Неее! Какая там! Сын! — проблеял в ответ недовольный Серёня. — На что он мне сейчас? Завела и возись! Отвезу вас в ваш дом общественного призревания, выходите!

— Ага! Ага! Выходим! Все помогут! Отучим и вырастим! Ты только деньги нам шли, урод проклятый! — вдруг тоненько запричитала мать над ребёнком. — У меня всё, всё будет государственное! И ребёночек будет наш общий!

— Вот и я о том же, — успокоительно ответил Серёня. — Про деньги не беспокойся. Отгребу. Но про мальчишку... пока не нужен он мне. Ты с ним сама как-то...

Женщина с квадратным лицом разразилась руганью:

— Да ты что, касатик! Что ж ты порешь! Что порешь! Да он вырастет, помощником твоим станет! Он твоя кровь! Ну! Дурак же ты, Серёня! Ну, дурак!

— И пусть растёт. Я разве против? Только отстаньте от меня! Я буду делать свои дела! А вы тут вошгайтесь с мальчишкой! Меня на работу зовут! Там месторождения, рук не хватает! А вы тут со своим ребёнком!

— Ах ты, гад ты проклятый! Меня обещал забрать! — взвизгнула молодая мать и затрясла белокурыми волосами. — Как теперь верить-то! Кому? Ну, зараза ты, Сергей!

— А ну ты, сама виновата! — отбрёхивался Серёня, покраснев. — Кто тебя тянул его рожать! Ну, кто? Чего вы, бабы, дуры, что ли, совсем? Куда я тебя возьму-то! Я сам там не устроился, а ты мне ещё на хвост садишься!

— А у папы что, у твоего, нет возможности нам помочь?! — перебила его молодая мать.

— При чём тут папа! Папа заболел! Я и за папой, и за мамой съехавшей своей ухаживаю! Что, не знаешь? Баб! Скажи ей хоть ты! Заполосной этой!

— Вынянчим! Ничего! — ответила квадратнолицая. — Своего не бросим! Только ты, Серёня, обеспечь нам покой и вливания, как там говорят по телевизеру-то... а то я тебя проклянью и устрою тебе этот самый апартейд.

В салоне повисла тишина, прерываемая только сопением матери над ребёнком, который глядел вокруг, утопленный в кружеве, словно не мог понять, для чего его пустили на свет, а машина, неловко маневрируя по кривой дороге, уже ехала по белому песку просеки меж столетних сосен к жёлтому дому с высоким куполом. В советское время тут был устроен областной тубдиспансер, но, когда заболеваемость пошла на спад, туберкулёзников выселили и завезли стариков. В бывшей резиденции графа Панина, а ныне «богадельне», как её тут называли, было где устроить и стариков, и местную администрацию.

Сразу зажурчали фонтанчики в очищенных от шлака бассейнах, был вычищен от сорного черно-клена большой сад позади главного корпуса, а во флигелях устроились на поселение доктора и дирекция. Всем было тут хорошо. Одно только беспокоило... Земля по ночам чуть слышно вибрировала и где-то чуть за полночь в небе появлялся сноп искр, мечущийся в пустом пространстве над стадионом.

Недалеко открыли возвращённый Церкви монастырь, но до него было неблизко, километров семь... Часто сноп стоял над лесом и пыхал, а потом, взметывая искристым хвостом, похожим на хвост кометы, бил куда-то молнией и с шипением исчезал.

Все это безобразия началось недавно...

3

От вокзала Марья добиралась в коляске мотоцикла «Урал» местного участкового Николая Букшина. Сам участковый как мог старался понравиться гостю, а потому шаркал с такой скоростью, что бедная московская фольклористка чуть богу душу не отдала. Перелетая с ухаба в выбоину, Марья каждый раз приземлялась в коляске на свою несчастную тощенькую пятую точку и под конец извилистой дороги, уже потянувшейся мягко по белому песку соснового леса, хотела попроситься слезть и идти пешком. Пусть рюкзак отяжелял плечи, пусть ее красные глаза смежались после ночи, проведенной без сна в поезде под спор антиглобалиста и антисемита. Лучше пешком, чем в люльке «Урала»!

— Не, народа много обычно только летом. Туристы сплавляются, паломники приезжают в монастырь. Местных мало. Летом бухают-бухают, бухают-бухают... А потом дохнут, на. Зимой до кладбища не донести: почитай, метров двести тащить на гору по снегу. На кой так делать? Все бегают, пособляют чё-то, да толку нет. А там еще могилу рой, землю шкрябай...

Участковый сам был не из деревенских — из городских. Он не очень любил ездить в Опашку. Там осталось-то три живых души, и никто просто физически не мог никого убить, обокрасть или насильничать. Река Пиня осторожно обтекала опустевшее селение, а на другой ее стороне размещался мужской монастырь, светилась из-за приземистой стены дикого камня голова Свято-Успенской деревянной церковки и громоздились пристроенные к ней дожившие от старого времени до сегодняшнего дня склады. В некоторых местах стену монастыря с высыпавшимися кусками булыжника заделали новым белым кирпичом, вживленным несуразными заплатками в древнюю кладку. Там — да, народ жил. А кругом умирал и болел... При монастыре построили недавно трапезную, и келейки для паломников. Весело трезвонила недавно оштукатуренная колоколеника. Насельники всякие были, но смиренные. А в Опашке остались только бабка Палладия, ее тетка

Серафима Пятницкая ста трех лет да немая девица Марионилла. Все три жительницы носили странные имена, и многие считали их староверками.

Вот как только приехала сюда Марионилла, по словам участкового, начали в Опашке происходить странные вещи. Их нельзя было объяснить с бухты-баракты. Надобно было думать и ворочать мозгами, чего тут никто особо делать не умел. Да что там! Где у нас сейчас мозгами-то ворочают! Всё больше капиталами да локтями...

Бабка Палладия пребывала в абсолютном разуме, и потому к ней рекой текли любители фольклора и всяких старинных побасенок. Марионилла не могла говорить. По крайней мере, никто здесь не слышал ее голоса. Старуха Серафима вела странный образ жизни, ела только хлеб, пила только воду, на летние и осенние месяцы уходила «в странное» по окрестным деревням и возвращалась зимовать, принося страшные вести про несправедное госустройство, коррупцию и лояльность к геям, называя новое устройство мира мракобесием, мздоимством и содомией. Насельники монастыря про это улыбались и серьёзно помалкивали, но бабка Палладия таких слов и определений не знала. На речи Серафимы только морщилась и ругалась.

— Бабка! Ты уже совсем из ума выжила! Насмотришься телевизера-то, и ну тебя колдобит! Тебе бы в дом старичков пора, чтобы там тебя обихаживали да с ложкой манкой откармливали! — бурчала Палладия.

— Сама туда иди! — отвечала Серафима. — Я ещё тут по своему двору потопая! Пока ноги ходят.

Палладия вообще была неграмотная, потому что ленивая. Всё на сказках выезжала.

Когда-то, после революции, сюда, в Опашку и на берег Пини, пригнали молодежь разрабатывать русло реки, добывать строительный песок и глину. В конце концов разрыли его насмерть, распустив Пиню на несколько озер. К счастью, после войны разработка сама замулилась и река потихоньку вернулась в старое русло, но обмелела.

Потом налетели колхозники. Сажали на бедных полях всякие сурепки да рапсы для животноводческого комплекса. После войны из всей деревни осталось двенадцать домов: из семидесяти мужиков с фронта пришли четверо...

Долго не возвращалась Опашка к жизни. Ну, и после того, как на круглой площади раскатали церковь и там бросили брёвна, думая построить клуб, стала из села деревней.

Наконец, в начале девяностых, приехали иеговисты: скупили избы у сельсовета, сидящего в соседнем относительно ещё «многолюдном» селе Хамове, развели хозяйство, стали домовничать. Палладия думала тоже в ихнюю веру перекинуться: больно красивые книжицы разносили, в которых все так славно, благообразно прописано, а главное — понятно, не то что в Библии... Серафима ее побила палкой, и Палладия передумала.

Теперь Палладия почти перестала ходить со двора, её мучил целый букет диковинных болезней, половину из которых она придумала для особенной к себе жалости. Внук Серёня прислал ей в помощь свою кузину Мариониллу, дочку покойной сестры. Хорошо, что немую: хоть не говорила поперек и не лезла с другими разговорами.

Вот, совсем недавно, сюда, на холмы и луга, пришли незнакомые люди в строгих цивильных костюмах и с ними охранники. Что-то они тут ходили, смотрели, изыскивали...

— Принесло их, Церноризцев да мракобесов! — ругалась тогда Серафима.

Одним из них, впрочем, был внук бабки Палладии, занимающий руководящую должность в крупной компании. Он зашёл к бабушке с подарками, приволок плазму — телевизор, подключил для Мариониллы на чердаке усилитель сигнала для домашнего Интернета, оставил еды и средств для мытья посуды, на что Палладия досадовала, а Марионилла радовалась, как дитя. Но потом подуспокоилась, когда оказалось, что Интернет брал только в туалете, на улице, где можно было просиживать часами в тишине, но в неудобстве, или, как минимум, стоять рядом с ним.

Марья Андреевна Чулымова, самодеятельная путешественница и искусствовед, современными местными делами не интересовалась, ехала она с любопытством собрать оригинальный фольклорный материал, не собранный другими, и узнать прежде неизвестное. Она часто путешествовала в отпуске и, как правило, потом писала чудесные доклады на основе добытого.

— Приехали! — радостно рявкнул участковый и резко затормозил, так что Марья ударилась грудью о край люльки.

Марья закашлялась, выбросила рюкзак и сумку с провизией на траву и вылезла. Перед ней в ряд стояло с десятков рубленых изб, четко вырисовывавшихся на яркой лазури неба.

Марья поблагодарила участкового.

— Коли дождя не будет, в воскресенье приеду, проведу вас по окрестностям. Покажу, что к чему... Магазин через речку.

— А как до него добратся?

— По кладям.

И Букшин, так и не спустившись на землю с железного коня, развернулся, оставив след на траве.

Марью уже ждали. Участковый заранее присылал из Хамово мальчишку-почтальона предупредить старух, что к ним приедет пожить «собиратель».

Марионилла обрадовалась больше всех. Она улыбалась красивыми белыми зубами и стучала в ладоши.

— Цего, цего ты радуешься? — спросила Серафима беззубым ртом. — Цай, не паренок приедет, а снова баба, да ишо пытать будет день и ночь. Сказуй да сказуй ей про то, про сё... Про всё уж сказано, а им все мало. Куды только складывают ту сказку!

Несмотря на то что Серафима уже не застала царя, она хорошо помнила детские годы и свою бабу, жившую при пяти «анператорах», четверых из которых она, судя по рассказам, знала лично. Нет, конечно, не могла знать, но ее разговоры глубоко врезались в память Серафимы.

Марья зашла на широкий двор с собственным колодцем, огляделась и подивилась, что все закоулки заросли травой. Три бешеные курицы сорвались и побежали, клохча, в сарай с оторванной серой дверью, движимой сквозняком.

— М-да... Молочка тут не промыслишь, — вздохнула Марья и увидела Мариониллу, вышедшую ей навстречу из сеней.

Девушка махала рукой и мычала, подзывая к себе.

— Иду, иду! Доброго вам утречка, — сказала Марья, ухнув, взвалила рюкзак на плечо и двинулась в дом.

Марья только в прошлом году, в сорок лет, стала понимать, что теряет силу. Медленно, словно по капле, выходит сила из прежде скорого, оборотливого тела. И ноги уже не такие быстрые, и руки не такие ловкие. Тянет уже больше к бумагам да книгам, к мелкому, бисерному труду — создать что-либо теплое, нужное. Научная деятельность давно принесла свои плоды в виде кандидатской, да только жить все равно приходилось в лишениях.

Зарплата была смешная, и Марья работала на трех ставках, пропадая зимой в институте, на кафедре, а летом — на выездах и в командировках. В выходные она не разгибая спины трудилась на даче, чтобы потом сэкономить на еде и больше денег потратить на книги.

У Марьи никогда не было семьи: в шесть лет она осталась сиротой и воспитывалась в детском доме. А там судьба свела ее с руководительницей фольклорной студии, которая и определила ей место в жизни. Это место оказалось и надежным, и певучим, и говорливым. Марья не скучала на работе и всегда спешила из дома в институт. Как большинство детдомовских, она редко болела и не боялась невзгод. Работа на выездах приносила ей невероятную радость.

Марья была маленького роста, чуть скошенная влево, словно ее куда-то всегда тянуло. Легкие рыжие барашковые волосы на голове она заплетала в худобедную косицу. Голубые глаза смотрели с вечным близоруким вниманием. Маленький вздернутый нос, круглые, как хохломские ложки, уши, стоящие по обе стороны головы будто приклеенные, и большие руки делали ее совсем непривлекательной для противоположного пола. Но сколько в ней было стеснительности, скромности, благодушия и нерасстраченной нежности, не передать словами, а она передавала голосом, пением. Когда Марья заводила на своих институтских «вечорах» старинные, заунывные русские песни, все опускали глаза, завидуя уди-

вительному, невесть кем и за что данному ей таланту. Улыбалась она постоянно, натрудив себе улыбкой морщинки у глаз.

Может, за ее улыбочивость и приняла ее бабка Палладия с радостью, разместила в прирубке — на веранде — за тканой занавеской, которую Марья в первую голову и сфотографировала.

Старуха Серафима только пришла с источника, таща полведра воды. Она давно решила носить воду «по самуё смерть», в день понемногу — себе на питье, и таким образом проверяла состояние своего здоровья. Но, как бы то ни было, полведра приносила исправно.

Поставили самовар и, по Марьиному предложению, решили напечь в поду большой русской печки, давно не мазанной, раскорячившейся на половину комнаты, лепешек из магазинной муки. Но пришлось оставить эту затею. Печь давно не выполняла основных своих обязанностей. Грели комнаты обогревателем, готовила Марионилла в мультиварке и на плитке. А печь просто занимала место, да и разобрат её было жаль и некому.

Марионилла сбегала в погреб за капусткой и грибами, и сели есть и чаевничать.

Марья сразу заметила, что капуста на сто процентов покупная, а грибы из магазинной банки, безудержно проквашенные уксусом.

— А грибы-то? Сами собирали? — с опытом в лице спросила Марья и глянула на закивавшую полошадиному Мариониллу.

— Она! Она ходила сама! — чистосердечно подтвердила Палладия. — Тут за Опашкой растут вот ведь. И это самое... звать её можно Милкой, а так она Марионилла.

— Ух ты! Красивое имя! — восхитилась Марья, откусывая гриб. — Старинное!

— Да! В какую-то бабку. Наши бабы были выдумщицы до имён. У нас вон только Сергей нормально называется. А остальных по святцам... Да! Если что, то я говорю все, что и другим, — утвердительно произнесла Палладия. — Мне уж не помнится, кому чего я наболтала, а ты у нас в первый раз. Вот и наболгаю тебе все заново.

— Я запишу на диктофон, — обрадовалась Марья и, порывшись в складках юбки, достала маленькое цифровое устройство. — На него можно часами говорить.

— Во как! — подала голос Серафима с другой стороны стола. — Хде столько словов-то наберешь?

— Они у меня есть. Все, как грибочки, по кузовкам сидят. Одна сказка — одни грибочки, друга сказка — други грибочки, — профессионально понизила голос бабка Палладия. — И в памяти я ишшо.

Марья за чаем разглядела и Мариониллу. На вид той было лет двадцать — двадцать пять. Самый свежий возраст. Волосы лежали широкой рифленой волной, вроде песчаной дюны в пустыне: видно, на ночь Ма-

рионилла заплетала их в косички, а утром расплетала. Вытянутое, без кровинки лицо, прозрачно-серые, чуть подтянутые к вискам глаза, тонкие губы, тонкая шея и высокий рост — Марионилла была похожа на одну из моделей английских художников-прерафаэлитов. Ей не хватало только синего бархатного платья в пол и ларчика Пандоры на коленях. Вместо платья Марионилла всунулась в самошитый сарафан из штапеля в мелкий цветочек и вязанные вручную чулки с хитрым орнаментом. На ногах — тапки-чуни из валяных полусапожек с обрезанным верхом.

Старуха Серафима, пергаментно-желтая, с щелью рта и двумя щелями глаз, обросшими бородавками, с выдающимся острым носом и белым пухом волос, выбивающимся из-под платка, носила одежду по «старой моде»: некрашеное, отбеленное только солнцем платье-мешок, доходившее до коричневых голых икр, высушенных и перевитых венами, словно корнями деревьев. Она ходила по дому босой, стуча по половицам окаменевшими ногтями, а на улицу обувалась в калоши с суконной стелькой. И никогда не снимала с головы плат, подколотый под подбородком невидимой булавкой.

«Да уж, — подумала Марья, — попала я в паноптикум! Тут тебе ни яйца, ни курицы, ни молочка попить...»

— Отчего же молочка нету? Есть, в мангазин через речку привозют с монастыря. И там по семьдесят рублей за трехлитровку продают, — внезапно сказала Серафима, пристально глядя на Марью.

Марья едва не подпрыгнула на косом табурете.

— Да я и так... А может, и схожу.. — Она покраснела лицом, и только тонкая, с палец, полоса вдоль лба осталась бледной.

— Ты не стесняйся, девка. Мы как свои тут. Мы всех примаем, всех любим... — И бабка Палладия широко перекрестилась на угол.

За ней поспешно взмахнула рукой Марионилла, а потом и Серафима, медленно и важно, осенила себя двуперстным знамением.

— А вы... староверы, да? — спросила Марья робко.

— Да уж не шепотники, — гулко сказала Серафима скрипучим голосом и добавила: — только помалкивай про это. А то монастырские нам хлеб носят... обидятся ещё...

Марья даже обрадовалась этому.

— Шепотники у нас на той стороне речки, в монастыре сидят, — добавила Палладия.

Марья достала из рюкзака свою тетрадку и, не распаковавшись еще до конца, устроилась записывать.

Некоторое время они провели за столом в разговорах. Сперва говорила только Палладия: рассказывала про историю Опашки, про всяких пришлых и своих, про местные обряды — словом, то, чего Марья за свою жизнь наслушалась уже выше маковки. Палладия была отменной рассказчицей. Ника-

ких там «гм», «мня», «ото», «как бы вот» и прочих словесных паразитов не проскакивало в ее хорошо сложенной, грамотно организованной, сдержанной браздами умеренности речи. Старуха, видно, уже наловчилась говорить как по писаному. За полтора часа она пересказала с полсотни историй, сказок, быличек и присказок, которые Марья уже несчетное число раз слышала из самых разных уст и во всевозможнейших вариациях. Но Марье все равно было интересно, и она, низко склонившись над школьной сорокавосемистраничной «толстухой», записывала и вручную, и на диктофон, ныряя в речь Палладии с редкими вопросами.

— А ты скажи, скажи про змия! — подала голос Серафима, прихлебывая простывший кипяток из блюдца.

— Да посла.

— Да ты кажи чичас.

— Да что там говорить-то? Летат и летат.

— Кто летает? — спросила Марья.

Вдруг Марионилла, сидевшая с носком и спицами у окна, подскочила и стала, мыча и перебирая руками в воздухе, делать какие-то знаки, странные и очень агрессивные.

— Что? Чего ты махаешь? — строго спросила Палладия.

Марионилла продолжала выписывать руками круги и спирали.

— Она, наверное, не хочет, чтобы вы про змея говорили. Может, боится? — спросила Марья, искоса глянув на бешено жестикулирующую Мариониллу, которую мычание и непонятный страх в один миг сделали некрасивой.

— Да вот прилетат к ней и к бабке Палладии змий, а хвост у змия огненный, а голова горячая — то целовецкая, то звериная. И особо-то Марионилла ждет того змия огнярога. Как ждет, так он и прилетат, — быстро сказала Серафима и обнажила единственный, коричневый, замшелый верхний клык, которым она ловко разделялась с хлебной коркой, перекусывая ее надвое, перед тем как макнуть в чашку с пустым кипятком.

Марионилла, глухо простонав что-то ругательное, кинулась вон из избы, подняв с половиц пыль, заигравшую в солнечном пространстве горницы как мелкий, дробленный хрусталь.

Все это время Палладия сидела сложив руки на квадратном животе, теребя фартушек-завеску, прикрывающий просторную и длинную коричневую парусиновую юбку и часть груди.

— А еще и не то у нас бывает, — зыркнула Палладия на Серафиму. — Что ж, все казать разве?

Марье стало неудобно участвовать в этом странном объяснении, и она, извинившись, пошла на веранду — в свежестроенное помещение с большими окнами, где для приезжих была поставлена кровать со стальными шарами-навершиями и стол, по-

крытый относительно новой клеенкой. Еще здесь имелась вешалка для одежды и два стула, на одном из которых можно было сидеть, а на другой складывать вещи. Марья, прикрыв дверь, задернула белыми вышитыми занавесками окна, из которых открывался вид на огромный луг, укатывающийся далеко-далеко, до самого берега Пини.

Солнце пронизало шторы и сделало стены на веранде теплыми и желтыми, а саму Марью — на лицо нежной и гладкой.

«Как хорошо-то, а! Если все пойдет по-заданному, побуду здесь пару неделек. Скоро и купаться можно будет, ну или хотя бы ноги мочить... Вот только что за змеи тут летают? Не будет же ко мне прилетать: вроде я не вдова и не монашка...» — Марья улыбнулась.

Сказка про змея, которую рассказывали везде, Марье уже поднадоела. Сюжет оставался один, но в каждой деревне обрастал своими подробностями. Где-то змей был хорошим, где-то злым. Кто-то им утешался, а кто-то падал и помирал. В общем, неоднозначный товарищ, сложно с ним. Интересно, какая тут версия? Может, что-то оригинальное будет, а может, даже всплывет под шумок неизвестный апокриф... Ну, это уж если очень повезет.

Марья выпросталась из длинных одежд и сменила одну юбку на другую, предпочтя все-таки более короткую. Она привыкла прятать свою хромоту и кривенькую правую ногу, которая неловко выбрасывалась при ходьбе, словно норовя бежать впереди хозяйки. Из-за этого недостатка Марья даже женихам отказывала по молодости. А потом, когда женихи рассеялись, как пена морская, успокоилась и уже не надеялась, что кто-то изменит ее жизнь, перевернет ее быт. В душе она мечтала о семье, о детях. Когда было особенно горько и тоскливо, принималась пахать за десятерых — и забывалась, постепенно сходила на нет человеческая тоска, просыпался азарт побольше сделать, написать, изработать всю себя, чтобы тоске нечего было грызть...

Марья задумалась, но все же не пропустила тень, что прошла мимо ее окон. Из-за шторы она разглядела Мариониллу, которая спешила куда-то по лугу в сторону монастыря, то и дело озираясь на ворота.

«Вот повезло ей! — подумала Марья. — В каком райском месте живет...»

Тут постучали в дверь.

Марья скинула крючок. Зашла старуха Серафима.

Вечером ее, наверное, можно было испугаться, но сейчас, при свете дня, Серафима, высушенная, как таранка, на жарком солнце и прожаренная вековыми ветрами, с мутными глазами какого-то кошачьего, а не человеческого желтого цвета, не пугала, а только вызывала удивление, насколько глубоко может резец времени прочертить на лице годы. Казалось, что морщины у нее глубиной до костей.

— Девко, ты не шугайся. Я, может, страшная, но я же не Егишна, а человек верующий, — сказала Се-

рафима, переваливаясь подошла к кровати и села на нее, хрустнув матрасом.

— Я таких, как вы, не в первый раз вижу. Навидалась, — вздохнула Марья.

— У нас на деревне-то много дворов было, а как нацали мереть — и все повымерли. Одна я старуха и осталась. Палладия совсем еще молода против меня. Што там...

— А сколько тебе, бабушка?

— Я после семидесятого года перестала считать. На што оно мне?

— А Палладия тебе родная?

— Как же, тетка по матери я еёшная. Я же обет дала, что девицей помру. А как тяжело было энто, нельзя сказать! Я ить красавицей была. Таковой баской, таковой баской! — И Серафима закачала головой, как китайский болванчик.

Марья улыбнулась в сторону.

— Пойду я в вашу кухню да сварю вам супчику. Хотите? — спросила она старуху.

— Супчику? А-а-а, нет уж! Я знаю, что в мои года его нельзя исть. Я только хлебца с водицей.

— И всё? — испуганно спросила Марья.

— И всё. Да потому и живу, девко!

— Да что вы меня всё «девко», «девко»... Мне уже сорок лет.

— Да ну! Да ну тебя, не востри!

— Правда.

— Да не брещи!

— Я честно говорю.

— Да ты брехуха ишшо!

Марья полезла за паспортом в рюкзачок.

— Что ты мне кументы кажешь, я ить не уцона!

— Как? — оторопела Марья. — Такое бывает? А как же ликбез? Неужели тут ликбеза не было?

Старуха встала с кровати, сложила руки на животе и гордо изрекла:

— Учение ваше суть бесовский мракобесный вой. Про то знаю. Матерь моя, и бабка, и прабабка говорили так: «Есть умный, а ткать не уцон». И поле не каждый опашет, и лен не каждый сработает. Вот и думай про то.

— Вы точно из старой веры.

— А откуль же ишшо!

И Серафима показала единственный зуб и голый рот.

— Давно оттуль. И про бесовство знаю.

Серафима поманила Марью пальцем. Марья вошла в избу, ступила на влажноватые половички, лежащие на выскобленном сером полу.

Серафима, заглянув в спальную, где спала, отчаянно храпя и подергиваясь, Палладия, завела Марью в горницу. Там в межконье висело огромное вышитое голубками полотенце. Серафима приподняла его.

— Не цомные мы! У нас во цего есть! Про «поже-нимся давай» смотрим.

Марья хотела засмеяться и прикрыла рот запястьем.

— Хороший телевизор. Очень хороший! Дорогой, — сказала она. — И что, кроме «Давай поже-нимся», ни новостей, ничего больше не смотрите?

— Да ну их к бесам, Господи прости! — махнула рукой Серафима и скрыла телевизор под голубками. — Ты только ым не говори, а то...

И Серафима грустно посмотрела на Марью кошачьими глазами.

— Сдохнуть бы поскорее. По мамке скуцаю. Ты ишшо скажи, поцему тебя Марьей звать, а? Не Марией, а Марьей.

— Так хочю, — сказала Марья гордо. — Так мне милее...

5

Марья обошла двор, заброшенный хлев, полуразвалившийся овин, заглянула в аккуратный огород, окруженный со всех сторон стенами травы и молодых деревьев. Здесь быстро выростали на запустошенных землях берёзки и клёны. Их носило с участка на участок, и за десять лет мог вырасти непроходимый частокол, такой, что и не пролезешь. Для будущих поколений росла эта будущая целина. Но никто не надеялся уже, что её когда-то поднимут.

День разгорелся яркий, теплый. Обещал, значит, в воскресенье заехать участковый. Но зачем его ждать? Марья взяла авоську, триста рублей и пошла по тропинке, по которой раньше пробежала Марионилла, в магазин. Тропинка вела по заросшему клевером лугу. Видно, недавно разобрались с коровами. А раньше тут пасли. Вон, стёжек настрочили...

Марья, весело сбивая головки клевера, быстрой походкой, чуть заваливая шаг, направилась к магазину. Миновав луг, она невольно остановилась, залюбовавшись открывшимся ей видом на реку, на монастырь, казавшийся игрушечным и ненастоящим, на другой стороне круглого, высокого берега. Маковки церкви сияли на сплошной голубизне чистого неба. А позади монастыря река, как опрокинутое зеркало, виднелась почти до самого горизонта и петляла, петляла бесконечное число раз, пока не уходила в туманную даль, затемненную лесами.

— Как прекрасно... И как тут мало людей... — прошептала Марья, теребя косицу.

Река, через которую в узком месте были переброшены кледи, искрилась рябью течения. На другой стороне под монастырем белел известью одноэтажный, под синей крышей, магазин, а чуть поодаль шла дорога, разветвляясь одним концом в монастырь, другим — в городок.

По этой дороге изредка ездили автомобили. На берегу кое-где виднелись палатки, машины, рыбаки. Около магазина топталась лошадь, выпряженная из телеги, стоящей на асфальтовом пятачке. Это привезли из монастыря свежий хлеб.

Хлеб благоухал кругом, наполняя пространство неким чудным, детским воспоминанием, когда боишься Бабу-ягу, репейника в волосах и недалеко ушел от молока и коржика на полдник. Марья, спеленатая этим запахом, двинулась в магазин, чая скупить все виды хлеба и еще что-нибудь.

В дверях она чуть не столкнулась с разгружающим машину крепким бородатым мужчиной в круглых, как у Троцкого, очках и с наголо бритой головой.

— Ну, бабонька, чего ты? Туда или сюда сдвигайся! — сказал он, напирая дощатыми лотками.

Марья метнулась в сторону.

— А купить сейчас можно будет? Разгрузите и станете продавать? — робко спросила она продавщицу, склонившуюся над книгой учета, — молодую бабёнку в серой косынке и длинной юбке.

— Погодите на улице, — сказала та, не поднимая глаз от книги, что-то туда вписывая. — Ситный? Бездрожжевой? Сколько? Семь... Так, серый, чёрный... Коврига медовая... Восемьдесят по пять...

Марья вышла на солнце. Возле магазина, стоящего на асфальтовом островке, было жарко. Голос продавщицы неприятно дребезжал из открытого зева магазинного дверного проёма.

«Искупаться бы!» — подумала Марья. С холма она хорошо видела на другой стороне реки и дом Палладыи, и вообще всю улицу, уставленную темными домами, еще четче выписанными на свежих красках неба и травы. По полям начала распускаться белыми островками кашка. Желтели лютики, дикая мальва высовывала сиреневые головки, покачиваясь от легкого ветра. Мимо Марьи быстрым шагом прошла Марионилла, одной рукой крепко уцепившись за свою сумку-почтальонку из джинсы, а второй поддерживая синюю юбку. На Марью она глянула искоса и без тени ответной улыбки.

Марионилла спустилась к кладям, перебежала речку и по тропинке стала подниматься к дому. Марья с легкостью прослеживала весь ее путь. Лошадь, похрустывая, обрывала осот с края дороги. Вдали, слева, на той стороне реки, весело ругались мужчина и женщина, бегая друг за другом с полотенцами вокруг машины. За ними курились костры маленького лагеря байдарочников.

— Вечером у нас тут еще веселее. А завтра паломники приедут. Вы не паломница? — спросил Марью приятный голос.

Она обернулась. Это был тот самый человек в круглых очках.

— Н-не... Я собираю фольклор, то есть... типа того... — ответила Марья.

— Я сам тут недавно, всего второй год, — вздохнул человек, снял очки и стал протирать их подолом клетчатой рубашки.

— Тут как-то странно все смешалось. Мои хозяйки — старой веры... Монастырь — обычный... Еще, говорят, иеговисты жили...

— О да. Обычный, да не совсем. Не знаю, можно ли вообще называть монастыри обычными... Кстати, меня зовут Георгий. Я пеку хлеб и живу в монастыре. Трудником пока.

Марья смутилась и покраснела.

— Марья, — коротко представилась она.

— Не Мария?

— Нет, именно Марья.

— А... Ну, это в какой-то мере даже забавно.

Я сам крещен Георгием, а как только меня не называют! И я, знаете, не имею желания возражать. А в детстве-то: и Егорий, и Аллюрий, и даже Ягуарий мать меня называла. Шутница была...

Марья улыбнулась.

— У вас, наверное, характер мягкий.

С колокольни донесся легкий, ажурный звон.

— Как вы? Верующая? — дотерев очки и перестав шуриться, спросил Георгий.

Марья посмотрела на него. Он выглядел немного странно. Босой, в обрезанных по колено джинсах и рубашке навыпуск. Еще и бритый наголо.

— Да так, без фанатизма. А вы? Грехи замаливать приехали? — без тени улыбки спросила Марья.

Георгий пожал плечами.

— Да. Христианство — очень удобная вера. Можно грешить всю жизнь, а потом однажды приехать в монастырь и стать хорошим. То есть... грехи тебе отпустят, это совершенно точно. Другое дело, хватит ли у тебя самого разума понять, что ты прощен. Люди — наглые существа. Они порою приписывают себе какие-то качества, которые невозможно ниоткуда получить. С ними можно лишь родиться.

Марья, качнувшись на пятках, заложила руки за спину.

— А хлеб сегодня будут продавать? — спросила она.

— О, хлеб... — спохватился Георгий. — Я напою лошадку и провожу вас. Хотите?

Марья вошла в магазин. Георгий зашел с нею.

Магазин, построенный после войны из разрушенной прибрежной часовенки, имел одно помещение, разгороженное на задний и передний «приделы», как в храме, и торговали тут теперь не как в обычном сельпо, а как в монастырской лавке: медом, настойками, хлебом, вареным сыром, кислым молоком в красивых высоких бутылках зеленого стекла, пряниками с изображением монастыря... Целый угол был отведен под несъедобные товары типа сувенирных кружек, тарелок, православных календарей на любой вкус и убогого текстиля китайского производства: платков и юбок с дикими, не монастырскими принтами.

— Света, посоветуй девушке, какой у нас хлебушек самый вкусный, — сказал Георгий продавщице.

Света, уже отложившая амбарную книгу и сидящая над судоку, махнула головой в косынке.

— Ты сам печешь, ты и советуй. Кому, как не тебе, лучше знать-то?